

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ИНСТИТУТЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РАН)

Аннотация: в тезисной форме представлен обзор докладов участников Всероссийской конференции “Правовая политика в условиях модернизации”, прошедшей в Институте государства и права РАН. На конференции обсуждались вопросы, касающиеся теоретико-методологической интерпретации модернизации и правовой политики, роли правовой политики в модернизации России, особенностей политической и правовой модернизации России.

Annotation: discussion of a current state and prospect of a legal policy in Russia in a context of possible scenarios of modernization became the conference purpose. At conference questions have been condemned: theoretical-methodological interpretation of modernization and the legal policy, a role of a legal policy in modernization of Russia, feature of political and legal modernization of Russia. Representatives of the scientific and educational centers of Moscow and other cities of Russia have taken part in conference. Their reports in the form of theses are stated in the given review.

Ключевые слова: конференция, правовая политика, модернизация.

Key words: conference, legal policy, modernization.

19 ноября 2010 г. в Институте государства и права РАН (ИГП РАН) состоялась Всероссийская конференция “Правовая политика в условиях модернизации”, организованная сектором теории права и государства ИГП РАН совместно с Саратовским филиалом ИГП РАН.

Цель конференции – обсуждение современного состояния и перспективы правовой политики в России в контексте возможных модернизационных сценариев. На обсуждение были вынесены вопросы, касающиеся теоретико-методологической интерпретации модернизации и правовой политики, роли правовой политики в модернизации России, особенностей политической и правовой модернизации России.

В конференции приняли участие представители научных и учебных центров Москвы и других городов России, докладчики которых в тезисной форме излагаются в данном обзоре.

Конференцию открыл **А.Г. Лисицын-Светланов, директор ИГП РАН, член-корр. РАН, доктор юрид. наук, проф.** В своем выступлении он отметил актуальность заявленной темы конференции и остановился на некоторых аспектах модернизации. Было, в частности, отмечено, что, во-первых, модернизационные процессы носят объективный и во многом глобальный (не изолированный) в мировом контексте характер, во-вторых, модернизационные процессы не ограничиваются какой-либо отдельной сферой, но затрагивают разные (экономические, политические, демографические и др.) сферы социальных отношений. А.Г. Лисицын-Светланов также обратил внимание на то обстоятельство, что правовой аспект модернизации носит интегральный характер, и в этом смысле модернизационные процессы непосредственно связаны с правовой политикой. Отсюда значительна роль юристов в процессе выработки концепции модернизации. Завершая выступление, А.Г. Лисицын-Светланов пожелал интересного и плодотворного проведения конференции.

В.В. Смирнов, зав. сектором теории права и государства ИГП РАН, канд. юрид. наук, доц. “Правовая политика в контексте политической модернизации России”.

Необходимость всесторонней модернизации России осознана российскими лидерами и в возрастающей степени признается различными сегментами общества. Обращение современной российской власти к конструкту модернизации объясняется как внешними, так и внутренними факторами. Однако в официальной интерпретации модернизация предстает скорее как идея-лозунг, чем как проработанный модернизационный проект. Его прояснению может способствовать и обсуждение самой концепции модернизации.

Концепции и практики модернизаций являются во многом продуктом европейской цивилизации. По меньшей мере с XVIII в. западноевропейские идеи “модернити” в различных понятийно-дискурсивных формах и в разнообразных практиках начинают распространяться на восток Европы и на другие континенты.

Сторонники концепции модернизации исходили из возможности и необходимости адаптации незападными, в том числе постсоветскими, странами основных универсальных структурных, институционально-нормативных и процессуальных составляющих западных обществ. Однако их внешнее заимствование не привело к переходу этих стран в продекларированное качественное состояние.

В попытках преодолеть “вестернизаторский порок” концепции модернизации применительно к политико-правовой сфере стали предлагаться концепции политического развития, зависимого развития, политической трансформации, политических изменений, политической эволюции, политических реформ (преобразований) и др.

Если в зарубежной и отечественной науке достигнут определенный консенсус в отношении критериев оценки экономической модернизации, то гораздо сложнее дело обстоит с выработкой критериев политической и правовой модернизации. Решению данной проблемы могло бы частично помочь использование таких операциональных индикаторов политико-правовой модернизации, как степень разделения властей и независимости судов; уровень формирования правового государства и состояние законности; состояние с правами и свободами человека и гражданина; зрелость

гражданского общества; открытость (прозрачность) и подотчетность государства и органов исполнительной власти; зрелость партийной системы; соответствие выборов международным критериям; характер ротации элит и возможности вертикальной мобильности для различных слоев и групп; фактическое участие и последствия участия граждан в политике, выработка, принятии и реализации управленческих решений всех уровней; независимость СМИ и доступ граждан к информации; правовые и фактические возможности оппозиции; объем и качество самоуправления на местном уровне.

Одним из интегральных показателей модернизации политической и правовой сфер и их взаимодействия является правовая политика. С точки зрения юридической политологии правовая политика – политика государства, государственных и муниципальных институтов, должностных лиц и лидеров в сфере права и правовых учреждений, политика, осуществляемая посредством права и правовых инструментов. Противоположная правовой политике – неправовая и противоправная политика, противоречащая конституции и международным обязательствам государства, базовым интересам общества.

Несмотря на декларируемые правовые реформы, призванные утвердить в России правовые принципы, ценности, нормы и процедуры эпохи модерны, правовой политике в нашей стране по-прежнему свойственны многие дефекты. Аккумулятивный опыт модернизации стран разных культурно-цивилизационных ареалов показал, что к числу универсальных стратегий успешных политических модернизаций относится политика замены власти авторитета властью закона.

В.В. Лапаева, главный научный сотрудник ИГП РАН, доктор юрид. наук. “Философско-правовые основы модернизационной стратегии России”

В России властные структуры всегда понимали задачу модернизации как необходимость осуществления технико-экономических преобразований, которые позволили бы преодолеть отставание от развитых стран Запада. Такое понимание проблемы и в настоящее время доминирует в российском политическом истеблишменте. Однако история показывает, что именно отсутствие тех нормативных и институциональных форм свободы, без которых невозможно раскрепощение творческой инициативы людей, являющейся источником обновления всех сфер социальной жизни, служит главным тормозом на пути технико-экономической модернизации. Поэтому главный вопрос, на который надо ответить при выработке стратегии модернизации, звучит так: “Возможно ли создание в России того политико-правового контекста, который мог бы обеспечить социальную инфраструктуру для модернизационных процессов?”

В плоскости российского философско-правового дискурса этот вопрос может быть сформулирован следующим образом: “Возможно ли в России такое понимание общего блага, которое, с одной стороны, не влекло бы за собой подчинение индивидуальной свободы коллективным интересам, а с другой – гарантировало бы ту меру социальной солидарности, которая отвечает российскому менталитету и ожиданиям общества с социалистическим прошлым?”

Поиск оптимального для России синтеза социального (нравственного) и индивидуального (правового) начал всегда стоял в центре внимания отечественной философско-правовой мысли. Однако ведущие представители русской философии искали этот синтез в границах нравственности. Так, Б.Н. Чичерин в своей знаменитой полемике с В.С. Соловьевым справедливо отмечал, что трактовка права как

принудительного минимума нравственности чревата опасностью неограниченного государственного насилия, которое всегда будет само определять, в чем состоит этот минимум нравственного совершенства, потому что на практике всякое отступление от правового принципа формального равенства ведет к произволу. Или свобода в правовой форме равенства, писал в этой связи В.С. Нерсисянц, или произвол в его многоликих проявлениях. Поэтому искомый отечественной философией права синтез личного и общественного начал должен быть найден не в сфере нравственности, а в границах правового принципа формального равенства, т.е. в рамках человекоцентристской парадигмы, основанной на приоритете прав человека. Только на этой теоретической платформе можно найти такое соединение европейской и российской философско-правовых традиций, которое будет направлено не на ограничение, а на расширение свободы человека.

В наибольшей мере задаче выработки такого синтеза отвечает либертарно-юридическая концепция правопонимания В.С. Нерсисянца и логически связанная с ней концепция цивилизма как нового общественного строя, основанного на правовой десоциализации так называемой социалистической собственности. Эта концепция дает ориентир для такого “общественного договора” между властью, крупными собственниками и остальным населением, без достижения которого невозможна легитимация сложившейся в стране формы собственности. А без легитимации собственности все разговоры о модернизации – это “разговоры для бедных”.

С.В. Поленина, главный научный сотрудник ИГП РАН, доктор юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ. “К вопросу о преемственности методологии изучения роли и места правовой политики”

Несмотря на то что изучение правовой политики занимает важное место в работах юристов, малоизученной остается картина её социальной обусловленности. Между тем в течение 80-х годов XX в. именно законодательная социология была одним из ведущих направлений в работе теоретиков права — сотрудников ИГП АН СССР. В проведении эмпирических исследований, цель которых состояла в основном в отработке методики анализа социальной обусловленности законодательства, наряду с сотрудниками ИГП АН СССР участвовали сотрудники республиканских академических институтов.

По результатам исследования авторским коллективом была подготовлена монография “Законодательная социология”, но по причине известных событий не была издана. Однако в 2010 г. данная рукопись была опубликована, что актуально именно сегодня – в условиях модернизации современной России.

Конечно, за прошедшие 20 с лишним лет наша страна претерпела коренные изменения: в экономике – конституционное признание и защита частной собственности, поддержка конкуренции и свободы экономической деятельности; в политике – появление на политической арене обладающей широкими полномочиями фигуры президента, а также увеличение числа субъектов РФ.

Экономика как основной объективный социальный фактор правотворческой деятельности в принципе малопопулярна, если только к изменению её мощности не прилагает усилий политика. В результате таких усилий все мы не только в одночасье оказались гражданами другой страны, но и с подачи “реформаторов” лишились всех находившихся на счете в банках денег. Зато мы познакомились с бумажками под названием “ваучеры” и услышали об олигархах, присвоивших себе народное богатство и ставших в резуль-

тате фактическими хозяевами страны. Жаркое лето 2010 г., сопровождавшееся колоссальными по масштабу лесными пожарами, явилось убедительным опровержением главного тезиса организаторов экономических реформ о якобы способности рынка “поправить все”.

Положения Конституции России определяют за президентом и правительством возможность проведения правовой политики посредством политико-правового влияния на правотворчество. Понятно, что при этом сама реализация правовой политики обусловлена рядом объективных и субъективных обстоятельств, в том числе активизировавшимся в современной России религиозным фактором. В целом правовая политика в современной России может быть охарактеризована как направленная на укрепление не только демократических и правовых, но и централизованных начал в экономической, политической и социальной жизни субъектов РФ. В этой связи особую актуальность приобретает реализация на практике конституционного принципа единства федеральной и региональной законотворческой политики в рамках российской правовой системы.

А.В. Малько, директор Саратовского филиала ИГП РАН, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ. “Правовая политика как фактор модернизации российского общества”

Роль правовой политики ключевая, поскольку именно через правовые установления государство может оказывать долговременное корректирующее влияние на политическую и социально-экономическую жизнь общества. Правовая политика представляет собой научно обоснованную, последовательную и системную деятельность прежде всего государственных и негосударственных органов по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности.

Курс, объявленный Президентом РФ Д.А. Медведевым, на модернизацию страны есть по сути курс включения России в постмодернизационные процессы. Переход к новому этапу модернизации требует известной корректировки и в сфере правовой политики.

Сравнительный метод – мощный инструментальный познания. Вместе с тем наименее исследованным сегментом сравнительного правоведения является такое его новое направление, как сравнительная правовая политика.

Необходим социально-правовой мониторинг. Правовой мониторинг – это лишь часть процесса по оптимизации правовой политики. В него должен войти мониторинг общественного мнения по вопросам права и правоприменения. Причем, используя сравнительно-правовой метод, видимо, следует более сдержанно относиться к заимствованиям из чуждых для России правовых семей (например, англо-американской).

Теперь – о правовой политике и кардинальном обновлении юридического образования. Мировой опыт подсказывает, что без поддержки общества трудно реализовывать правовую политику. При этом очень важно как поддерживать должный уровень правовой культуры, так и постоянно обновлять юридическое образование.

О модернизационной правовой политике. На современном этапе правовая политика из односторонних действий по

коррекции права должна превратиться в комплекс средств социально-правового воздействия, учитывающего постмодернизационные реалии с их дополнительными нагрузками на сферу государства и права.

Н.В. Исаков, директор Северо-Кавказского филиала Московского гуманитарно-экономического ин-та, доктор юрид. наук, проф. “Проблемы теории и практики формирования и реализации правовой политики в условиях модернизации”

В 90-е годы XX в. правовая политика во многом утратила национальную самостоятельность и ориентировалась главным образом на заимствование западных образцов. В качестве оценки юридически значимых действий предлагался неюридический критерий – “демократические ценности”. Об отсутствии подлинной правовой политики говорил и В.В. Путин: “Вакуум власти привел к перехвату государственных функций частными корпорациями и кланами”. В печати того времени отмечалось, что тоталитарная система плавно переросла в криминальную.

Это приводит к мысли о необходимости активизировать выработку концептуальных основ современной правовой политики в условиях модернизации.

Основным направлением развития научных исследований должен стать поиск новых эффективных средств и технологий правового, и прежде всего законотворческого, развития и правового регулирования общественных отношений на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Подобная концепция должна включать три главных элемента: 1) обоснованные цели правовой политики в условиях модернизации; 2) адекватные цивилизованные средства правовой политики; 3) меры, направленные на достижение целей правовой политики, касающейся модернизации общества.

Суть нового подхода в том, чтобы правовая политика стала по-настоящему правовой как единая общенациональная политика и непосредственно в правовой сфере, и посредством действия права в неправовых сферах, чтобы она одновременно была стратегией и тактикой не только правового регулирования, но и правового развития страны в XXI в. Такая роль правовой политики делает ее социально значимой и вызывает необходимость незамедлительного формирования ее концептуальных основ и их практического претворения в жизнь.

Современная правовая политика – часть общегосударственной политики, имеющей особую форму выражения государственной воли – средство юридической легитимации, закрепления и осуществления политического курса страны, воли ее официальных лидеров.

В условиях модернизации правовая политика по своей структуре подразделяется на два самостоятельных, но взаимосвязанных направления: политика “в сфере права” и политика “посредством действия права”.

Реализация правовой политики позволяет сглаживать резкий разрыв между политикой вообще и моралью, “заставляет” политику руководствоваться нравственностью, которая воплощена в праве.

М.А. Супатаев, ведущий научный сотрудник ИГП РАН, канд. юрид. наук. “Правовая политика в условиях модернизации: социокультурный дискурс (На примере Китая)”

Следует остановиться на социокультурных аспектах правовой политики в контексте модернизации, проводимой в ряде стран, еще недавно одних из наиболее отсталых в со-

циально-экономическом и научно-техническом отношениях, но сегодня постепенно превращающихся в центры мирового притяжения.

Пример Китая, в частности, свидетельствует о том, что все больше стран, вступая на путь реконструкции общества и усваивая инструментальные компоненты западной культуры (структуру материального производства, инновационные технологии, способы трансляции информации и др.), тем не менее, отказываются модернизировать политические и правовые институты, слепо копировать западные образцы и в гораздо меньшей степени склонны отказываться от экзистенциальных начал своей собственной культуры.

Если оценивать общую концепцию китайской правовой политики, весь комплекс законодательных мер по осуществлению так называемой социалистической модернизации, выводу ее из глубокого кризиса, поразившего весь мир, всю юридическую жизнь в стране, нельзя не обнаружить реальную значимость гуманистических аспектов конфуцианских политико-правовых традиций, современных и детально разработанных для нужд XXI в.

Заняв четкую проконфуцианскую позицию современная правовая политика Китая как бы завершает многовековую полемику легистов и конфуцианцев, начатую в V в. до н.э. (“народ для государства” или “государство для народа”).

Опыт Китая, избравшего не “догоняющую”, а “опережающую” модель модернизации при сохранении национальной культурной идентичности, социокультурных (цивилизационных) особенностей общества и права, не безразличен России.

Е.Г. Лукьянова, старший научный сотрудник ИГП РАН, канд. юрид. наук, доц. “Необходимо ли качественное обновление постсоветской теории права?”

Сегодняшнее состояние теории права характеризуется преимущественно внешним механическим обновлением, эклектизмом, попытками сочетания несовместимых идей, а также унаследованными от советского периода тенденциями формализации и удвоения правовых понятий. Отвечает ли потребностям научного изучения права такое состояние?

В теории права продолжает господствовать течение, называемое по-разному: этатический позитивизм, волюнтаризм, легизм. Ключевыми в этом “правопонимании” выступают несколько идей: во-первых, право рассматривается как продукт государства, во-вторых, оно выступает выражением воли (произвола) государственной власти и, в-третьих, эта воля чаще всего выражается в актах, называемых законами.

Для советского этапа был еще характерен классовый подход, но сегодня классовую волю механически заменили на общенародную. Образ нынешней российской теории права украсили также несколько прогрессивных идей, таких как права человека, правовое государство, гражданское общество, возможности интеграции которых в позитивистско-волюнтаристскую парадигму вызывают серьезные сомнения.

Следующая черта современной теории права – крайняя формализация теоретико-правовых понятий. Так, закон из акта, содержащего нормы права, трансформировался в пустую форму, наполняемую любым содержанием. Да и сама норма права как требование должного поведения и модель фактического поведения (правило поведения) была сведена к тексту, ее описывающему. А так как текст – условное отображение явления и выражение мысли, нередко неадекватное, норма права перестала быть правилом поведения, обратившись в “норму-определение”, “норму-объявление”, “норму-

декларацию”. Более того, содержанием права стали не только нормы права, но и нормативно-правовые предписания: “программные и статутные положения, схемы, формулы, рисунки, перечни, картограммы, таблицы, предписания-цели и многие другие”.

Удвоение теоретико-правовых понятий – ведущая тенденция современного развития теоретической юриспруденции. В теорию права в большом количестве вводятся дублирующие понятия – понятия, за которыми не мыслятся реально существующие объекты, понятия, противоречивые в своем существе, такие, например, как правовые средства, правовые инструменты, правовые стимулы, правовые ограничения, правовая идентичность, правовой инфантилизм, правовой идеализм и проч.

Такой характер развития юридической доктрины не отвечает потребностям научного познания права, как, впрочем, и потребностям развития специальных юридических наук, которое (развитие) сегодня часто ограничивается изучением “мертвых” текстов или попытками предугадывания “государственной воли”.

Позитивистско-волюнтаристская теория права не отвечает и потребностям развития российского общества в целом, если только эти потребности не сводятся к социально-политическому волюнтаризму и стагнации, а восходят, как минимум, к определенному уровню экономического и социального развития и, как максимум, к модернизации. Цивилизационный опыт показал прямую зависимость между показателями прогресса и уровнем развития права и науки о нем. У общества, в котором право подменяется и называется произволом, в котором граждане не отличают право от произвола, нет перспектив.

Н.В. Мамитова, зав. кафедрой государственно-правовых и гуманитарных дисциплин Института управления, бизнеса и права, доктор юрид. наук, проф. “Экспертиза как элемент правовой политики”

На современном этапе развития российского общества обращение к проблемам правовой экспертизы и экспертной деятельности является актуальнейшей исследовательской задачей. Необходимо разработать концепцию правовой экспертизы российского законодательства.

Одним из реальных шагов в направлении развития института экспертизы и совершенствования законодательства является антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов. Антикоррупционную экспертизу можно отнести к одному из механизмов сдерживания коррупционного поведения в системе государственного управления.

Вместе с тем многие аспекты института антикоррупционной экспертизы остаются неурегулированными и малоизученными в юридической литературе. В области антикоррупционной экспертизы необходимо разработать единую методику ее проведения; законодательно установить правовой статус эксперта, в том числе и независимых экспертов и экспертных учреждений на федеральном и региональном уровнях, а также осуществлять мониторинг их деятельности; создать постоянно действующую эффективную систему обучения и повышения квалификации независимых экспертов; создать единый экспертно-аналитический центр со структурными подразделениями в субъектах РФ, в обязанности которого необходимо вменить проведение комплексных экспертиз законопроектов, поступающих на обсуждение во все законодательные органы государственной власти.

Е.В. Скурко, старший научный сотрудник ИГП РАН, канд. юрид. наук. *“Общественная экспертиза в законотворчестве РФ как метод модернизации правовой политики”*

Одним из методов повышения качества и эффективности закона становится осуществляемая Общественной палатой общественная экспертиза. Целью общественной экспертизы является согласование общественно значимых интересов граждан России, общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Заключение общественной экспертизы Общественной палаты носит рекомендательный характер, но подлежит обязательному рассмотрению органами государственной власти и местного самоуправления. Это означает, что если замечания и рекомендации, отраженные в заключении общественной экспертизы, не были учтены при дальнейшей работе над проектами соответствующих нормативных правовых актов непосредственно в их текстах, справедливо ожидать комментарии о причинах и основаниях, по которым отразить замечания и рекомендации в разрабатываемом нормативном правовом акте не представилось возможным.

Институт общественной экспертизы призван создать своего рода “обратную связь” от государства к гражданскому обществу. Ее особенностью и социальной ценностью является то, что государство (представляемое соответствующими органами, к компетенции которых отнесено принятие нормативного правового акта) должно “объяснить” основания, по которым то или иное мнение, наличествующее в заключении общественной экспертизы (в известной мере отражающее консолидированную позицию гражданского общества в отношении определенного проекта нормативного правового акта), не было учтено.

Одним из эффективных способов упрочения “обратной связи” можно назвать возможность распространения информации о результатах рассмотрения заключения общественной экспертизы Общественной палаты в экспертной среде, в том числе и среди заинтересованных неправительственных организаций. Желательно также широкое распространение вплоть до опубликования в соответствующих средствах массовой информации и/или в среде Интернет – на сайтах заинтересованных сторон и организаций.

Фактор возможности широкой публикации оснований отклонения позиции гражданского общества, выраженной в заключении общественной экспертизы, сам по себе мог бы способствовать росту ответственного отношения лиц, к полномочиям которых относится принятие тех или иных нормативных актов, в том числе законов, по которым было дано заключение общественной экспертизы, к своей деятельности, ее результатам и последствиям, “прозрачности” и предсказуемости правотворческой, в том числе законотворческой, деятельности в современной России.

Э.В. Габрелян, научный сотрудник сектора теории права и государства ИГП РАН, канд. юрид. наук. *“Российская социокультура: конфликт традиции и модернизации”*

В рамках российской социокультуры воспроизводятся по меньшей мере две модели взаимодействия людей – традиции: устойчивая самодержавная модель типа публичной власти и положение человека в условиях данного типа публичного властвования.

Доминантным институтом российской социокультуры является государство, отличающееся от иного типа публичного властвования, описываемого термином “state”. Такое отличие

заложено изначально этимологией термина “государство”, происходящего от слов “господарь”, “государь” – “владелец холопов”. В контексте древнерусского словоупотребления можно констатировать: 1) связку “государь – холоп”; 2) это “субъект – объект” вертикальные отношения; 3) данное социальное господство находится в сфере исключительно частных (хозяйственных) отношений.

Только с середины XIV в. термин “государь” (как хозяин) проникает в сферу отношений публичного властвования, обозначая представителя верховной публичной власти. Появление нового термина отражало изменение социокультурной обстановки в сфере публичного властвования по сравнению с домонгольским периодом, когда существовало несколько относительно самостоятельных институтов публичной власти (вече, князь, боярская дума). В новой ситуации нормы договоренностей, плюрализма, децентрализации вытесняются самодержавным типом публичного властвования, основанный на принципе организационного единства, воплощаемого в лице государя. Термин “государство” отражает обновленную социокультурную ситуацию публичного властвования хозяина – самодержца над “холопами” (населением) и остальным хозяйством (территорией).

Прямым результатом складывания самодержавного типа публичного властвования стала деформация статуса свободного человека: превращение свободных лиц в “государевых холопов”, “вечнообязанных подданных” (В.О. Ключевский). Положение человека в условиях самодержавия характеризуется: 1) октроированной (санкционированной) природой вольностей – “прав”; 2) доминированием обязанностей по отношению к вольностям – “правам”; 3) отсутствием институциональных гарантий свободы.

Помимо двух определяющих элементов российской социокультуры в ней присутствует и ей оппонирует либеральная субкультура, представители которой “не согласны” с позиционированием себя в качестве “государевых холопов” и “вечнообязанных подданных”, т.е. традицией “государь – холоп”. “Новгородская” субкультура, по сути оппозиционная, находящаяся в конфликте с “московско-петербургскими” практиками и ментальными установками, генерирует модернизационные проекты.

Однако либерализм не обеспечен социокультурной поддержкой. Невозможность либерализма в нелиберальной социокультурной среде обусловила появление “охранительного либерализма” (Б.Н. Чичерин). “Либеральные меры и сильная власть” означает, что “либеральные меры” проводятся (1) самодержцем в силу “незрелости” народа (2) при условии неизбежности самодержавного концепта, т.е. “сильной власти”.

Исторический опыт демонстрирует ограниченность “охранительного либерализма”: наступает время, когда результаты даже незначительных “либеральных мер” входят в противоречие с онтологическими социокультурными традициями “сильной власти”.

Р.В. Пузиков, доцент кафедры гражданского права и процесса Института права Тамбовского госун-та им. Г.Р. Державина, канд. юрид. наук. *“Доктринальные начала правовой политики в условиях модернизирующегося общества: к постановке проблемы”*

Модернизация предполагает систему изменений, направленных на совершенствование общественных институтов. Именно на юридическую доктрину ложится основное бремя проведения правовой модернизации, так как доктринальные начала выступают главными векторами развития правовой

политики, закладывающими концептуальные основы и для правотворческой, и для правоприменительной политики. Доктринальная форма реализации правовой политики выступает наиболее перспективной и прогрессивной формой, способной на реальные шаги по модернизации российского общества, по выработке максимально эффективного перечня инструментов реализации правовой политики.

В настоящее время в кризисном состоянии находится как федеральная, так и региональная правовая политика, что в свою очередь ставит перед юридической наукой повышенные задачи. Это не значит, что юридическая наука в один день в состоянии решить проблемы российской правовой политики, но это выдвигает на первый план необходимость проведения консолидированной работы ученых в намеченном направлении.

Следует понимать, что правовая политика выступает в виде сбалансированной системы форм ее реализации, нарушение и сбой в работе хотя бы одного из элементов автоматически приводят к сбою всей системы. Именно поэтому правовая политика должна рассматриваться как взаимодополняющая и взаимно обуславливающая каждую форму ее реализации, включая сюда правотворческую, правоприменительную, правоинтерпретационную политику, доктринальную и обучающую формы реализации правовой политики, развивая и совершенствуя их параллельно, а не последовательно. Другими словами, формы реализации правовой политики, по нашему мнению, – это внешне выраженное посредством различных ветвей власти и юридической науки органическое целое, имеющее свои части, которые вне целого не существуют.

Одними из основных принципов правовой политики России должны стать принцип преемственности и принцип самобытности российской правовой политики. При всем негативе намечается определенный сдвиг как в процессе модернизации российской правовой политики, так и в процессе правовой политики в сфере модернизации российского общества, что дает основания для оптимистических прогнозов и ожиданий.

В.Ю. Вобликов, научный сотрудник Центра публично-правовых исследований. “Основные направления компаративного анализа проблем модернизации современных государств”

Проблемы модернизации исследуются в рамках большинства дисциплин, составляющих современный стандарт гуманитарных наук. Вместе с тем термин “модернизация” используется в очень широком смысле, что свидетельствует о не совсем корректном понимании и различении понятий “модернизация”.

Новая компаративистика изменила исследовательские приоритеты, сосредоточившись не на государственных институтах управления развитием общества, а на его социальной структуре. В качестве основы компаративного анализа стали выдвигаться проблемы, связанные с процессами “социального изменения” и развития (девелопментализм).

В рамках общей исследовательской парадигмы девелопментализма сложились два подхода. Первый представлен теориями “обусловленности” (Dependency Theories), второй – теориями “модернизации” (Modernization Theories).

Теории “обусловленности” опираются на диалектический подход к пониманию развития, характерными особенностями которых являются акцент на противоречиях роста в условиях капитализма и указание на необходимость неопералистической фазы развития (в формах политического

либерального капитализма или либерального фундаментализма) как основы демократии.

Сторонники теории “модернизации” обосновывают альтернативную модель социального развития. Здесь оттеняется не столько социально-политический, сколько социально-экономический контекст развития. Именно в контексте устойчивого экономического роста внимание акцентируется на процессе изменения социальных институтов.

Отдельные исследовательские гипотезы в сфере “модернизационных теорий” воплотились в теории “изменения ценностей” (Р. Инглхарт), в которой обосновывалась идея о том, что в развитых индустриальных обществах происходит смещение ценностных приоритетов от “материалистских” к “постматериалистским” ценностям.

Теории “модернизации” представляют собой совокупность политико-экономических и социополитических концепций девелопментализма, рассматривающих развитие общества как процесс перехода от более стабильного “традиционного” состояния к динамично меняющемуся “современному”. Современное индустриальное общество согласно этим концепциям возникает как результат структурно-функциональных изменений, связанных с процессом модернизации.

Переоценка роли одного из факторов модернизации (экономического, технологического, информационного, образовательного) способна привести к односторонности концептуальных подходов в понимании модернизации.

О.В. Орлова, старший научный сотрудник ИГП РАН, канд. юрид. наук. “Правовая политика и правовая культура”

Взятый сегодня курс на модернизацию охватывает все стороны жизни российского общества. Модернизация в государственно-правовой сфере предполагает реальное признание верховенства права в общественной и государственной жизни, выработку государственной политики, отвечающей интересам общества. В государственно оформленном обществе политика приобретает правовую форму. При этом право как величайшая культурная ценность содержит ориентиры и регуляторы для политики.

Общепринято выделять особый вид государственной политики – правовую. Правовая политика имеет достаточные четкие границы как во временном, так и в предметном планах. Представляет интерес вопрос о субъектах правовой политики. Спорным остается включение в число субъектов институтов гражданского общества и гражданского общества в целом.

Одной из задач, непременно стоящих перед правовой политикой, было и остается обеспечение баланса индивидуальных и общественных интересов. Право юридически закрепляет те или иные идеалы (модели) поведения, представление о справедливости с точки зрения интересов государства и общества и тем самым стимулирует должное поведение индивидов. В процессе формирования и претворения в жизнь правовой политики обеспечиваются реализация и охрана интересов каждого отдельного человека, той или иной социальной группы, государства и общества в целом. Правовая политика предполагает, что право должно играть роль “беспристрастного судьи” при столкновении индивидуальных интересов, служить стимулом и гарантом обеспечения правопорядка в обществе, используя разнообразные методы.

Одной из проблем современного состояния государственности и гражданского общества является то, что в общественном правосознании не сформировался взгляд на право

как на ценность. По многочисленным социологическим данным, более трети опрошенных – люди с низким уровнем правосознания.

В современном российском обществе в известной мере произошла смена демократическо-ценностных ориентаций. Если в 90-е годы XX в. наиболее важным предпочтением россиян считалась независимая пресса, то сегодня – это закон и порядок, справедливые суды.

К сожалению, современное российское общество далеко от такого идеала. По-прежнему действует стереотип: “жить надо не по закону, а по совести”. Поэтому важнейшей задачей правовой политики является изменение отношения к праву, в том числе путем целенаправленной пропаганды права как важнейшей культурной ценности.

Д.В. Шутько, старший научный сотрудник ИГП РАН, канд. юрид. наук. “Общественные объединения, гражданское общество и модернизация в Российской Федерации”

Основа гражданского общества – общественные объединения, которые представляют интересы различных социальных, профессиональных и национальных групп населения. В настоящее время общественные объединения проводят значительную работу по гарантированию конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Общественные объединения активно участвуют в модернизации избирательного процесса на федеральном, региональном и муниципальных уровнях. В избирательном законодательстве некоторых субъектов РФ предусмотрено право общественных объединений направлять наблюдателей в избирательные комиссии. Представители общественных объединений ведут опрос проголосовавших избирателей на выходе из избирательного участка. Результаты этих опросов очень близки к реальным итогам выборов. Представители общественных объединений, назначенные членами избирательных комиссий, участвуют в контроле за соблюдением избирательных прав.

Общественные объединения принимают активное участие в правотворческом процессе в форме народной правотворческой инициативы, всенародного обсуждения законопроектов, направления законодательных предложений в Государственную Думу. Общественные объединения имеют право на коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления с предложениями по совершенствованию законов и иных нормативных актов.

Общественные объединения играют существенную роль в процессе осуществления экспертизы законодательных актов (законопроектов). Законодательно закреплена институт общественной экологической экспертизы. Представители общественных объединений, входящие в состав Общественной палаты РФ, активно участвуют в проведении экспертизы законопроектов. Заключение Общественной палаты по проектам федеральных законов подлежат обязательному рассмотрению на пленарных заседаниях палат Федерального Собрания. В 2006–2007 гг. Общественной палатой была произведена экспертиза свыше 35 законопроектов. Многие рекомендации палаты были учтены при принятии законов и других нормативных правовых актов.

И.М. Соколышник, научный сотрудник ИГП РАН, канд. юрид. наук. “О категории “правовая политика”

Среди тех, кто пользуется категорией “правовая политика”, даже при том, что они одинаково понимают “правовое”, нет единства в представлениях о том явлении, которое отражает этот термин. Правовая политика толкуется как “деятельность” либо как “идеи”, либо как то и другое

сразу. Определение “правовой политики” через категорию “деятельность” сближает этот термин с более проработанными категориями “правотворчество” и “правоприменение”. Определение “правовой политики” в качестве идей делает правовую политику тождественной известной категории “правовая идеология”. В целом попытки обосновать существование некоего самостоятельного феномена под названием “правовая политика” выглядят больше как уговоры принять новую точку зрения.

Обращение определенной части научного сообщества к категории “правовая политика” объясняется характерными для постсоветского периода представлениями о “правовом регулировании” как о верховно-властном управлении в духе командной теории права. В условиях моноцентристской государственности появляется потребность обоснования единого руководящего центра, управляющего, в частности, и “правом”. Такую единую “правовую политику” нужно поручить единственному верховно-властному субъекту, который отвечает за целостность социума и единство его властной организации.

Либертарно-юридическая теория в том виде, как она сформулирована В.С. Нерсисянцем, по мнению некоторых ее представителей (В.В. Лапаева), несет в себе мощный потенциал для реформирования правовой сферы на основе такого критерия, как принцип формального равенства. Полагается, что в российских условиях при отсутствии развитой правовой практики только эксперты-либертариисты могут внедрить право в жизнь.

Сама по себе методика выставления критериев действующей правовой системы со стороны философской системы представляется идеологией, но не наукой. С позиции другого направления либертарно-юридической теории (В.А. Четвернин), представляется ненаучным отношение к социокультуре как к объекту “социальной инженерии”, поскольку правовые институты существуют, развиваются, реформируются и т.д. только в рамках соответствующей социокультуры, т.е. такой культуры, в которой нормой являются свободные социальные взаимодействия и в которой основная функция публично-властных институтов – подавление агрессивного насилия, а не управление социальной жизнью.

Главной трудностью проведения в России такой правовой политики, которая была бы направлена на развитие ценностей, заложенных в Конституции РФ, но сложившихся отнюдь не в российской социокультуре, является их несовместимость с господствующей сегодня силовой политической культурой. С позиций современной институциональной либертарной теории, в России господствует социокультура, противоположная правовой, – культура силовых типов. Поэтому правовые институты и не развиваются, право как способ социальных взаимодействий реально, а не на бумаге существует лишь в узких пространствах и не сможет стать господствующим социальным регулятором – институтом, имеющим системное значение для социума. О какой-либо целенаправленной политике “внедрения права” в России говорить проблематично.

А.А. Соколова, декан магистерской школы Европейского гуманитарного ун-та, канд. юрид. наук, проф. “Правовая политика в публичном измерении: направления развития”

Остается неисследованным вопрос о публичности правовой политики. По-прежнему актуальны проблемы совершенствования, демократизации, научной и социальной обеспеченности законодательного процесса, эффективности его результатов. В чем истоки столь инертного процесса

модернизации правотворческой деятельности как одной из важнейших сфер правовой политики? Попытку осмыслить эту ситуацию в публичном измерении можно предпринять на теоретико-методологической основе концепций публичного пространства (Х. Арендт, Ю. Хабермас), относящихся к сфере философского знания, и социологической концепции формирования права, в основе которой лежит тезис о социальной природе права.

В качестве гипотезы выдвигается тезис о том, что результаты правовой политики в области правотворчества будут эффективными при условии связанности ее с публичным пространством (сферой).

Признанию публичности правовой политики в сфере правотворчества и объяснению ее методологических оснований способствует социологическая концепция формирования права, в соответствии с которой формирование права (правообразование) представляет собой сложный, относительно долговременный процесс социального становления, юридического оформления и последующей социализации правовых норм в конкретных жизненных условиях. Согласно авторской концепции в процессе формирования права можно условно выделить три этапа: 1) определение объективных потребностей в правовой регламентации общественных отношений; 2) правотворчество; 3) социализация правовых норм.

В то же время научный анализ позитивных и негативных социальных изменений может стать основой механизма совершенствования принятых правовых актов, “сигналом” для конструирования новых моделей правового регулирования или совершенствования отдельных элементов системы права. В этом находит проявление обратная связь права и общества, процесс их взаимной коммуникации и взаимодействия, протекающий в публичном пространстве.

Очевидно, возлагать всю ответственность на законодателя было бы неправильно и несправедливо. Ответственны за “судьбу” закона, состояние системы законодательства в целом все “творческие” силы общества как сферы публичного пространства. Чем демократичнее государство, чем более развито гражданское общество, тем ответственнее все его социальные составляющие за направленность правовой политики, уровень правовой системы и правопорядка.

В.В. Трофимов, доцент кафедры истории государства и права Тамбовского госун-та им. Г.Р. Державина, канд. юрид. наук. “Российская правовая политика в области модернизации правообразовательных и праворегулирующих механизмов”

Можно выделить три основных аспекта модернизации в области современной российской правовой политики: 1) модернизация методов правового воздействия; 2) модернизация правообразовательных механизмов; 3) модернизация предметного содержания современной российской правовой политики, в том числе в духе тех целей и задач, которые ставятся президентом в ежегодных посланиях к Федеральному Собранию.

Модернизация как девиз современной жизни все более укрепляется в сознании россиян. Социально-психологическая готовность принять деятельное участие в этом процессе и внести определенный вклад присутствует у большинства населения страны, во всяком случае можно в принципе рассчитывать на молодежь как резерв передовых политических сил и человеческую основу реализации экономических начинаний. Но, отмечая эту пока гипотетическую готовность, не стоит забывать о том, что ошибок на этом пути быть не должно или они должны быть минимизированы, иначе ис-

чезнет вера во все эти благие призывы, и общий результат может оказаться менее эффективным в сравнении с текущими итогами традиционного экстенсивного социально-экономического развития. Избежать возможных перегибов и упущений способна помочь государственная правовая политика в качестве организованной на высоком интеллектуальном уровне деятельности государственных и муниципальных органов власти по реализации с помощью права тактических и стратегических целей и задач, связанных с умножением в Российском государстве совокупных социальных и экономических благ, повышением уровня жизни современного российского общества.

Д.Н. Горшунов, доцент кафедры теории и истории государства и права Казанского госун-та, канд. юрид. наук. “Концептуальные основы деления права на частное и публичное”

Категорическое размежевание подсистем частного и публичного права противоречит целям, задачам, функциям и эффективности правового регулирования. Дуализм в системе объективного права на уровне крупных образований системы права вообще не очевиден и проявляется в различном соотношении частных и публичных начал.

Разводя две сферы права, следует определять не столько их собственные признаки, сколько отличительные особенности их отдельных элементов, которые могут носить как частноправовой, так и публично-правовой характер, а также степень их присутствия: по тому, какие элементы преобладают в той или другой сфере права, в определенной правовой отрасли, можно условно отнести её к частному либо публичному праву.

В содержании самой правовой нормы изначально заложено, относится ли она к частному праву либо носит публично-правовой характер. Признавая отсутствие “чистых” отраслей права, правовая сфера может быть определена не по тому критерию, к какой отрасли номинально относится тот или иной правовой институт – к отрасли, входящей в частное или публичное право, а оценивается сам характер этого отношения – публичный он или частный.

Право может быть представлено как универсальное компромиссное средство, которое позволяет не только взять под защиту государства правомерные значимые интересы, но и найти компромисс между индивидуальными и общественными интересами. Баланс публичного и частного интереса представляет собой насущную проблему.

Граница между сферами жизнедеятельности государства, общества, индивида, между публичным и частным интересами не всегда очевидна и постоянна. С одной стороны, трудно охватить все стороны жизни, имеющие публичное значение, с другой – динамика общественного развития, изменение материальных условий жизни позволяют говорить о “публичном” как о постоянно эволюционирующей категории. В свою очередь, частное может в определённый момент перестать быть частным и потребовать вмешательства государства, что мы можем видеть на примере участия государства в делах юридических лиц, деятельность которых в ходе их неправомерного либо экономически нецелесообразного действия приобретает большое общественное значение.

В.В. Пожарский, канд. юрид. наук, доц. “Цели и приоритеты в содержании охранительной функции государства в условиях модернизации российского общества”

Российское государство по-прежнему остается наиболее эффективной институциональной формой общества, способной отстаивать интересы российского народа. История и

современность России убедительно свидетельствуют о том, что у государства в этом смысле нет конкурентов. Модернизация становится идеей и средством достижения приоритетов российского общества и государства. При этом главным ее субъектом, как это не раз случалось в истории, выступает государство. В таких условиях стратегически важную роль приобретают идеологическая и охранительная функции.

Первая должна воодушевлять, вызывать к жизни социально-созидательную энергию, способствовать формированию убежденности в социально-исторической необходимости и неизбежности модернизации. Именно вдохновленное и уверенное в успехе общество, и только оно, способно воспринять философию модернизации и наполнить ее реальным содержанием.

Структура и содержание охранительной функции должны быть обусловлены целью охраны и сохранения достигнутого уровня социального развития – культуры общества. Охранительная функция государства неизбежно становится квинтэссенцией идеи консерватизма на практике. Ценностно-смысловые и нравственно-правовые основания охранительной функции государства можно выявить путем толкования положений преамбулы Конституции России, выполняющих функции общесоциальных, а значит, и государственных обязательств и намерений.

Б.А. Осипян, старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, канд. юрид. наук, доц. *“О надлежащей правовой политике модернизации России”*

Необходимо существенно поправить писаную и фактическую Конституцию России. В Преамбуле Конституции надо определить её единую духовную, идеологическую и политическую установку, иначе она будет действовать подобно телу, освобождённому от духа и души.

Дух правовой умеренности и благоразумия требует, чтобы частная собственность была ограничена до пределов, где начинаются правомерные интересы государства как публичного собственника, который правомочен и ответствен за заботу о благосостоянии всех своих граждан, особенно тех, которые в силу разных причин экономически не конкурентоспособны или зависят от бюджетного содержания. А в таких отношениях, как брак и семья, следует полностью

исключать всякие неправомерные договоры под названием “брачные контракты”, поскольку договорный брак есть не что иное, как сексуально-бытовой кооператив с возможностями воспроизводства бездушных отпрысков-сутяг.

Что касается судебной системы, то судьями могут стать только духовно и нравственно зрелые, нравственно и профессионально образованные, благовоспитанные и достаточно опытные люди, которые имеют ясное и в высшей степени надлежащее образованное представление об основной идее права, о понятии правомерности и т.д. Иначе судьи будут способны только, как черви, ежедневно грызть столпы государства и сеять в народе семена недоверия к закону, суду и государственной власти в целом.

Инициаторы всяких общенародных преобразований сами должны быть достаточно духовно и нравственно зрелы и организационно подготовлены, чтобы своим личным примером вести свой народ к искомому образу жизни, в которой основными ориентирами поведения являются истинная вера и любовь к Богу-Создателю и своему ближнему собрату, непорочная и добрая совесть, высокое сознание, абсолютное достоинство, самоопределение каждого человека по своему призванию, ведущему при всех условиях и обстоятельствах к временному земному порядку, счастью и спасению души каждого человека в вечной жизни.

Без религиозно-нравственной определённости никакая конституция не может быть действующей в полной мере. Любовь, уважение, самосознание и преданность своему народу, желание ему здоровья, могущества и процветания должны стать естественным состоянием души каждого российского человека и гражданина России, источником творческой энергии и готовности приобщиться к его общему делу, к божественному и историческому предназначению. Новое духовное мышление и жизнедеятельность могут брать своё истинное начало лишь в христианском человеколюбии, искреннем уважении абсолютного человеческого достоинства, взаимном доверии и непрерывном созидании.

Обзор материалов конференции подготовил

Эмиль Вачаганович Габрелян, научный сотрудник

**Института государства и права РАН,
канд. юрид. наук (E-mail: g.e.v@List.ru)**